

«БРОНЗА И ИХОР»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

автор: Влад Эверест

Влад Эверест

Бронза и Ихор

<https://litres.ru/74383619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда боги замолкают, говорить начинает сталь.

Зетос из рода Гиперионов — не герой из легенд. Он ветеран, который хочет лишь одного: чтобы его оливки зрели под солнцем, а доспехи пылились в сундуке. Но у судьбы, как и у Оракула, жестокое чувство юмора.

Древнее пророчество сбывается: море становится горьким, тени удлиняются, а из недр Тартара поднимается сила, о которой забыл даже Олимп. Некратос, отвергнутый сын Аида, ведет армию мертвецов, чтобы разбить цепи Титанов и погрузить мир в вечный мрак.

Когда храмы рушатся, а молитвы остаются без ответа, последней линией обороны становятся не полубоги, а люди. Зетос вынужден вновь надеть свой сине-белый гребень и собрать отряд безумцев: спартанского берсерка, амазонку, пьяного кентавра и гордую воительницу Афин.

Им предстоит пройти путем, откуда не возвращаются. Ведь чтобы убить того, у кого нет сердца, нужно быть готовым вырвать своё.

Содержание

Глава 1. Бронза под оливковыми ветвями.	4
Глава 2. Пыль дорог.	12
Глава 3. Тень над Омлафом.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Влад Эверест Бронза и Ихор

Глава 1. Бронза под оливковыми ветвями.

Аттика плавилась. Солнце стояло в зените, словно немигающий глаз разгневанного бога, выжигая цвета из окружающего мира. Воздух дрожал над сухой землей, пахнувшей тимьяном и раскаленной пылью, а стрекот цикад был таким громким, что казалось, будто сама жара обрела голос.

Зетос из рода Гиперионов не обращал на это внимания.

— Ха! — выдохнул он, выбрасывая копьё вперед.

Ясеновое древко скользнуло в мокрой ладони, и бронзовый наконечник с влажным хрустом вонзился в мешок с пес-

ком, подвешенный на старой оливе. Удар был идеальным — точно в «горло» воображаемого противника. Мешок качнулся, дерево глухо скрипнуло, словно жалуясь на упрямство человека.

Зетос отступил, восстанавливая дыхание. Пот струился по спине, щипал глаза, но он не снимал доспех. Это был не простой солдатский линоторакс из проклеенного льна. На Зетосе сияла дорогая, тяжелая анатомическая кираса — «мускульный панцирь», выкованный в форме идеального мужского торса. Бронза была отполирована до золотого блеска, но в углублениях мышц металл был затемнен, а наплечники украшали накладки глубокого темно-синего цвета с белой окантовкой — цвета его Рода.

Металл раскалился так, что мог обжечь кожу, но Зетос терпел. Мир расслабляет. Мир делает воина мягким, как перезрелый инжир. А Зетос ненавидел быть мягким.

Он рывком выдернул копье. Голубая лента, повязанная под наконечником, безвольно повисла. Она давно выцвела от морской соли и времени, но он никогда её не снимал — память о том, что даже на войне должно быть место для чего-то чистого.

— Ты скоро свалишь это дерево, брат, — раздался звонкий женский голос со стороны дома. — И тогда священная олива рухнет прямо на твою глупую голову.

Зетос обернулся, смахивая пот со лба тыльной стороной ладони. На пороге стояла Талия, его сестра. Она уперла руки

в боки, пытаюсь выглядеть суровой, но в её темных глазах плясали смешинки.

— Оливы крепче людей, Талия, — усмехнулся Зетос.

Он снял тяжелый коринфский шлем. Высокий гребень из конского волоса, окрашенный поперечными полосами — синий, белый, синий — коснулся скамьи. Зетос потрянул головой, и мокрые темные кудри рассыпались по лбу. Он знал, что выглядит сейчас пугающе для мирного времени — красный, мокрый, пахнущий железом и агрессией, — но Талия лишь закатила глаза.

— Ты неисправим, — вздохнула она, подходя ближе и протягивая ему глиняную чашу с водой, разбавленной кислым вином. — Двадцать семь лет, Зетос! Другие в твоём возрасте уже нянчат третью дочь, обсуждают урожай и цены на шерсть. А ты? Ты нянчишь свой щит.

Зетос жадно припал к чаше. Вода была холодной, она смывала привкус пыли во рту.

— Опять начинаешь? — он вытер губы, возвращая пустую чашу.

— А кто, если не я? Матушка давно в Элизиуме, отец тоже. Я за старшую, — Талия поправила складки своего пеплоса. — Вчера на рынке я видела Хрисеиду. Красавица, статная, бедра широкие — родит тебе крепких сыновей, настоящих спартанцев, только рожденных в Афинах. Она спрашивала о тебе. Глаза горят, как масляные лампы. Что мне ей сказать? Что мой брат женат на войне?

Зетос рассмеялся, и звук этот был глубоким, искренним. В бою он был ледяной глыбой, но здесь, дома, его сердце оттаивало.

— Скажи ей, что я польщен, сестра. Но мое сердце — не Агора, где выбирают лучший товар.

— Гордец! — фыркнула Талия, но беззлобно. — Весь в отца. Ты ждешь, что Афродита сама постучит в твою дверь? Или надеешься встретить нимфу в лесу? Смотри, дождешься старости, и греть тебя будет только холодная бронза твоей кирасы.

— Зато бронза никогда не требует новых украшений и молчит, когда я сплю, — парировал он, подмигивая.

Он подошел к маленькому домашнему алтарю Зевса Херкея — Оградителя, стоявшему в центре мощеного двора. Зетос был набожен, как любой, кто видел смерть слишком близко. Он плеснул остатки вина из кувшина на горячий камень алтаря.

— Великий Отец, храни этот дом, — прошептал он.

Жидкость зашипела. Но вместо того чтобы подняться к небу легким белым облачком, дым повел себя странно. Он был тяжелым, маслянисто-черным. Дым пополз вниз, к земле, обвивая камни алтаря, словно змея, ищущая нору.

Улыбка сползла с лица Зетоса. В воздухе внезапно запахло озоном, как перед страшной грозой, хотя небо было чистым до рези в глазах. Птицы, певшие в кипарисах у ограды, разом умолкли. Тишина навалилась на усадьбу — плотная,

давящая тишина.

— Зетос? — голос Талии дрогнул. — Что это?

Стук копыт разорвал оцепенение.

К воротам усадьбы подъехал одинокий всадник. Лошадь была в мыле, бока вздымались, а сам всадник, несмотря на жару, кутался в дорожный плащ цвета выцветшей терракоты. Он спешил легко, по-военному, хотя седина в его бороде говорила о преклонном возрасте.

— Дракон! — Зетос шагнул навстречу.

Это был его наставник. Человек, который научил Зетоса держать строй фаланги, когда тот был еще безусым юнцом. Дракон постарел, шрам через все лицо стал глубже, но глаза оставались глазами хищной птицы. Однако старый воин не улыбнулся. Он бросил поводья подбежавшему мальчишке-рабу и прошел во двор. Его лицо было мрачнее входа в Тартар.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Зетос, — голос наставника скрежетал, как мельничные жернова. — Но я принес не радость.

— Что случилось? — рука Зетоса привычно легла на рукоять короткого меча-ксифоса у пояса. — Спартанцы? Персы?

— Хуже, — Дракон снял перчатки, отряхивая дорожную пыль. — Природа, мальчик. Море молчит. Рыбаки в Пирее боятся выходить за волнорезы. Говорят, вода стала горькой, как желчь, и мертвая рыба всплывает брюхом вверх. А в Ар-

кадии, говорят, земля стонет по ночам.

— Боги гневаются? — тихо спросил Зетос, косясь на черный дым, все еще ползущий у алтаря.

— Или боги испуганы, — Дракон посмотрел прямо в глаза ученику. — Я видел многое. Я видел, как горят города. Но сейчас пахнет чем-то древним. Тем, что должно было спать вечно.

Зетос хотел ответить, но слова застряли в горле. Вдалеке, со стороны дороги, ведущей из Афин, раздался звук.

Это был не грубый рев боевого рога и не пастушья свирель. Это был чистый, высокий, пронзительный звук серебряной трубы, от которого заныли зубы и холодок пробежал по спине под раскаленной бронзой.

Талия вскрикнула, прижав ладонь ко рту.

— Герольд? — спросил Зетос.

— Не городской, — покачал головой Дракон, прищурившись. — Такой звук я слышал лишь однажды. В Дельфах, когда Пифия объявляла волю Аполлона.

Они вышли за ворота. На дороге, поднимая клубы золотистой пыли, стояла колесница. Она была великолепна — обитая бронзой, сияющая на солнце. Возничий едва сдерживал пару белоснежных коней, грызущих удила.

Рядом с возничим стоял гонец. На нем не было доспехов, только белые одежды жреца, перехваченные золотым поясом. В руках он держал тубус из слоновой кости, запечатанный красным воском с символом лавровой ветви.

Гонец не стал спускаться на землю. Он обвел взглядом Зетоса — его мощную фигуру в сине-белой броне, его шрамы и гордую осанку. Казалось, жрец сверялся с каким-то невидимым списком.

— Зетос из рода Гиперионов! — провозгласил гонец. Голос его был усилен магией храма — он гремел над оливковой рощей, заглушая вернувшийся стрекот цикад. — Внемли!

Он сломал печать с сухим треском и развернул свиток.

— *«Тьма шевелится под корнями мира. Цепи Тартара ослабли. Оракул призывает не царей, но защитников. Лучших сынов Эллады. Сбор у Омфала, Пуна Земли. Ибо грядет буря, которую не остановить смертным оружием».*

Гонец свернул свиток и протянул его Зетосу. Тот взял слоновую кость. Она была холодной, словно пролежала во льду.

— Ты призван в Дельфы, стратег. Срок — три дня. Не медли.

Гонец дернул поводья, колесница развернулась на месте, колеса взрыли сухую землю, и посланник умчался прочь, оставив за собой лишь облако пыли и звенящую тишину.

Зетос стоял, сжимая свиток так, что побелели костяшки пальцев. Он чувствовал на себе испуганный взгляд сестры и тяжелый, понимающий взгляд наставника.

— Похоже, твоя красавица-жена подождет. — тихо сказал Дракон, положив тяжелую руку на синий наплечник ученика.

Зетос посмотрел на свой щит с белым быком, прислонен-

ный к оливе. На мгновение ему показалось, что бык на гербе опустил рога, готовясь к удару. Мирная жизнь закончилась. Началось время мифов.

Он повернулся к сестре. В его глазах больше не было веселья, только холодная решимость и та самая хитринка, которая спасала ему жизнь в десятках битв.

— Талия, собери мне припасы. Хлеб, сыр, вяленое мясо. И достань из сундука старый хитон отца, мне нужна сменная одежда.

— Ты едешь? — прошептала она, и в голосе её были слезы. — В Дельфы?

— Я еду спасти наши оливки, сестра, — мягко ответил он. Затем он повернулся к старику. — Дракон... ты пойдешь со мной? Или твои кости слишком стары для дороги?

Старый воин усмехнулся, обнажив крепкие зубы. В этой улыбке блеснула сталь, острая и опасная.

— Я не пропущу конец света, мальчик. Только не надейся, что я буду нести твой щит.

Зетос кивнул и надел шлем. Мир сузился до узкой прорези визора. — Тогда в путь.

Глава 2. Пыль дорог.

Рассвет над Аттикой был кровавым. Эос, розоперстая богиня утренней зари, в этот день словно окунула пальцы в свежую рану. Небо на востоке пылало багрянцем, но этот цвет не обещал радости нового дня — он предупреждал.

Зетос затянул последний ремень на выюке мула. Животное недовольно фыркнуло, переступая копытами по брусчатке двора. Мул вез самое ценное: разобранный доспех Гиперионов, тяжелый щит, завернутый в промасленную ткань, и запас провизии. Сам Зетос был одет в дорожный хитон из грубой серой шерсти и широкополый петас, защищающий от солнца. Меч-ксифос покоился у бедра, скрытый складками плаща.

— Ты взял сыр? — голос Талии был твердым, но Зетос слышал в нем предательскую дрожь.

Она стояла на крыльце, сжимая в руках небольшой свер-

ток. Ее лицо было бледным в утренних сумерках.

— Взял, сестра. И вино, и вяленое мясо, и даже те лепешки с медом, которые ты пекла на праздник, — Зетос подошел к ней. — Я не на пир еду, Талия.

— Война — это тоже пир. Только для стервятников, — она сунула ему в руки сверток. — Здесь мазь из горных трав. Если... если тебя ранят. И амулет с волосом нашей матери.

Зетос принял дар. Он хотел пошутить, как делал это всегда, хотел сказать, что его шкура толще, чем у калидонского вепря, но шутка умерла на губах. Он просто притянул сестру к себе и крепко обнял. Она пахла дымом очага, лавандой и домом. Запахом, который он мог потерять навсегда.

— Береги оливы, — шепнул он ей в макушку. — И тресни по макушке Евмела, когда он вернется.

Талия всхлипнула, но тут же отстранилась, ударив его кулаком в грудь. — Иди уже. И смотри за Алексисом. У него ветер в голове, а не мозги.

— За ним присмотрит Дракон, — усмехнулся Зетос. — А за Драконом присмотрю я.

Старый наставник уже ждал у ворот. Он сидел на мохнатой, коренастой лошадке, которая выглядела такой же упрямой и жилистой, как её хозяин. Дракон точил короткий кинжал о точильный камень, и этот звук — *ших-ших* — резал утреннюю тишину.

— Долго прощаешься, стратег, — проворчал старик, не поднимая глаз. — Солнце уже высоко. Дорога до Элевсина

не станет короче от твоих слез.

— Это пот, старик, — огрызнулся Зетос, вскакивая на своего коня. — Жара сегодня адская.

Они выехали за ворота, не оглядываясь. Оглядываться — плохая примета.

Они встретили Алексиса у развилки трех дорог, там, где стояла старая герма — каменный столб с головой Гермеса, покровителя путников. Младший брат Зетоса не стоял на месте. Он гарцевал на своем вороном жеребце, которого звал Ветром. Конь был горячим, с тонкой шеей и безумными глазами, явно не предназначенным для строя фаланги. Сам Алексис выглядел как чужеземец, заблудившийся в Аттике. Вместо приличного хитона на нем были пестрые скифские штаны — анаксириды, расшитые узорами, мягкие сапоги и куртка с длинными рукавами. На голове красовалась островерхая шапка из войлока. За спиной висел горит — футляр, объединяющий лук и стрелы.

— Эй! — крикнул Алексис, заведя их. Он пустил коня в галоп, сделал круг вокруг мула Зетоса и резко остановился, подняв облако пыли. — Я уж думал, вы решили идти пешком, как спартанцы!

— А я думал, мы встретили бродячего циркача, — Зетос поморщился, отмахиваясь от пыли. — Алексис, во имя Зевса, ты едешь на войну или на ярмарку? Что это на тебе?

— Удобство, брат! — Алексис хлопнул себя по бедру, обтянутому пестрой тканью. — Скифы знают толк в верховой

езде. Твои голые колени сотрутся о седло к полудню, а я буду свеж, как нимфа.

— Ты выглядишь как варвар, — пробурчал Дракон. — Если нас остановят патрули, я скажу, что мы везем тебя на продажу в рабство.

— За меня дадут хорошую цену, старик! — расхохотался Алексис. — Ну что, в Дельфы? Говорят, Пифия предсказала, что мир спасет красавец на черном коне.

— Она предсказала, что мир спасут те, кто готов умереть, — осадил его Зетос. Его голос стал жестким. — Хватит гарцевать. Береги силы коня. Дорога будет долгой.

Брат сразу поскуchnел, но послушался. Авторитет Зетоса был для него нерушим, сколько бы он ни паясничал.

Они двинулись на северо-запад, по Священной дороге. Но чем дальше они отъезжали от Афин, тем меньше мир вокруг походил на ту Грецию, которую они знали. К полудню жара стала невыносимой. Это была не просто летняя знойность. Воздух был тяжелым, липким. Небо приобрело болезненный желтоватый оттенок.

Они проезжали мимо деревни у подножия Парниса. Поля стояли пустые. Пшеница, которая должна была колоситься золотом, почернела и полегла, словно её вытоптала невидимая армия.

— Смотрите, — Дракон указал плетью на ручей, пересекающий дорогу.

Зетос подъехал ближе. Вода в ручье не журчала. Она сто-

яла в заводях, покрытая радужной, маслянистой пленкой. На берегу валялась мертвая коза. Её туша не разложилась на жаре, а словно высохла изнутри, превратившись в серую мушью.

— Что это? — тихо спросил Алексис. Его веселье испарилось.

— Яд, — Зетос спешил и коснулся земли носком сандалии. Трава рассыпалась в серый прах. — Зло... Сама земля умирает.

— Значит, Оракул не врал, — проворчал Дракон. — Мы едем не на войну, Зетос. Мы едем на похороны мира.

Вдруг Ветер, конь Алексиса, прынул ушами и тревожно заржал, пятясь назад. Мул Зетоса уперся ногами в землю, отказываясь идти.

— Тихо! — шикнул Дракон.

Его рука мгновенно легла на рукоять меча.

Тишина. Абсолютная, звенящая тишина. Цикады замолчали. В этой неестественной тишине раздался звук.

Клац. Клац. Ш-ш-ших.

Звук напоминал лязг ножей, которые точат друг о друга. Он доносился сверху, со стороны скал, нависающих над дорогой.

Зетос поднял голову, прикрываясь ладонью от солнца. В небе кружили три точки. Они быстро приближались, и с каждым кругом солнечный свет вспыхивал на их крыльях не мягким блеском пера, а резким, слепящим блеском полиро-

ванной бронзы.

— Щиты! — заорал Зетос, срывая с мула попону, прикрывающую его гоплон. — В укрытие!

— Это птицы? — Алексис задрал голову, щурясь. — Просто большие птицы...

— Это Стимфалиды! — рывкнул Дракон, загоняя свою лошадь под крону сухого дуба. — Беги, дурак!

Первая тварь спикировала с пронзительным визгом, похожим на скрежет металла по стеклу. Это был чудовищный гибрид цапли и ястреба, размером с человека. Её перья были выкованы из острой бронзы, клюв напоминал кирку, а когти могли пробить кирасу.

Зетос не успел надеть доспех. У него был только щит и меч. Он встал посреди дороги, закрываясь гоплонем.

Бум!

Удар был такой силы, что Зетоса протащило по пыли на два локтя назад. Бронзовый клюв пробил внешнюю обшивку щита, застряв в дереве в сантиметре от его руки.

— Алексис! — крикнул Зетос, рубя мечом по длинной, покрытой медной чешуей шее твари. Клинок высек искры, но не разрубил металл. Птица взмахнула крылом, и острые как бритва перья полоснули Зетоса по плечу, разрывая плащ и кожу.

Вторая птица заходила на Дракона. Старик крутил конем, уходя от атаки, и пытался достать тварь копьем.

Третья зависла в воздухе, готовясь обрушить дождь из

бронзовых перьев-стрел прямо на незащищенного Алексиса.

Младший брат не побежал в укрытие. Он сделал то, что умел лучше всего. Алексис соскользнул с седла, упав на одно колено. Его движения были текучими, быстрыми. Лук уже был в руках.

Тетива запела. Звук был коротким и сухим. Стрела ударила не в бронированное тело птицы. Она вошла точно в глаз — маленькую, уязвимую точку живой плоти среди металла.

Птица захлебнулась визгом, сложила крылья и камнем рухнула на землю в трех шагах от Алексиса, взрыв пыль.

— Одну сбил! — крикнул он, уже накладывая вторую стрелу.

— Сбей ту, что на мне! — прорычал Зетос, пытаясь вырвать клюв первой твари из своего щита. Птица била крыльями, пытаясь достать его лицо когтями.

Алексис развернулся. Он не мог стрелять — Зетос и птица кружились в смертельном танце.

— Пригнись, брат! — крикнул Алексис.

Зетос не задавал вопросов. Он знал голос брата. Он резко упал на спину, закрываясь щитом сверху.

Стрела просвистела там, где секунду назад была его голова. Она ударила птицу в открытую пасть, пробив нёбо и выйдя через затылок. Тварь задергалась и затихла, придавив Зетоса своей тяжестью.

Осталась третья. Дракон ранил её в крыло, но она всё ещё была опасна. Увидев гибель сородичей, она издала яростный

клекот и развернулась, чтобы уйти в небо.

— Уходит! — крикнул Дракон.

Алексис вскочил на ноги. Птица была уже высоко, метров сто. Обычный лук не добил бы. Но композитный лук, сделанный из рога и сухожилий, в руках мастера был страшным оружием. Он натянул тетиву до самого уха и замер на секунду, став похожим на статую. Выдох. Выстрел. Стрела ушла в небо крошечной точкой. Секунда, две... Птица дернулась в воздухе, словно наткнулась на невидимую стену, и начала падать, беспорядочно кувыркаясь.

— Ха! — Алексис победно вскинул лук. — Три из трех! Зетос, ты видел? Видел?!

Зетос с трудом выбрался из-под туши первой птицы. Его плечо кровоточило, серый хитон был разорван. Он подошел к поверженному монстру и пнул его бронзовое крыло. Звук был глухим, металлическим.

— Видел, — выдохнул он, вытирая пот. — Неплохо для клоуна в пестрых штанах.

Он выдернул бронзовое перо из крыла твари. Оно было тяжелым, острым как кинжал и холодным. На нем не было ни капли крови, только масло.

— Это не звери, — мрачно сказал Дракон, подъезжая к ним. — Это машины войны. Арес их создавал, или Гефест, но они не должны быть здесь. Они живут на болотах Аркадии.

— Кто-то выгнал их из дома, — Зетос посмотрел на перо,

а затем на горизонт, где сгущались тучи над Дельфами. — Или кто-то призвал их на охоту.

Алексис подошел к брату, его лицо больше не было веселым. — Ты ранен.

— Царапина, — отмахнулся Зетос. — Но ты спас мне жизнь, брат. Я запомню.

— В Дельфах будет хуже, — сказал Дракон, глядя на север. — Если Стимфалиды летают днем открыто, значит, законы старого мира больше не работают. Надевайте бронзу. Дальше мы поедem как на войну, а не как на прогулку.

Зетос кивнул. Он посмотрел на дорогу. Пыль осела, но вкус во рту изменился. Теперь там был привкус меди и крови.

— Собирайтесь, — скомандовал он. — Мы должны добраться до Оракула до заката. Иначе эти твари вернутся стаей.

Глава 3. Тень над Омлафом.

Гора Парнас возвышалась над миром, как трон бога, высеченный из вечного камня. Её склоны, обычно изумрудно-зеленые от кедровых лесов и оливковых рощ, теперь казались серыми, словно присыпанными пеплом погребально-го костра. Дорога, ведущая к святилищу Аполлона, змеилась по склону, и она была забита людьми.

Это было не торжественное шествие паломников в белых хитонах, с венками из лавра и дарами. Это был поток отчаяния. Река из плоти и страха. Беженцы из сожженных деревень, волокущие на спинах узлы со скарбом; раненые солдаты, опирающиеся на сломанные копья; женщины, прижимающие к груди плачущих детей — все они тянулись вверх, к храму, надеясь, что золотые стены Дельф и воля Аполлона защитят их от тьмы, ползущей по Элладе с севера.

Зетос, Алексис и Дракон пробивались сквозь эту толпу

с трудом. Алексис спешился, ведя своего горячего жеребца Ветра под уздцы, чтобы тот ненароком не затоптал людей. Конь нервничал, чувствуя запах крови и болезни, его ноздри раздувались, а уши были прижаты к голове.

— Ими пахнет страх, — поморщился Дракон, сплевывая пыль. Старый наставник смотрел на людей, сидящих прямо в пыли у обочины, с мрачным пониманием. — Хуже, чем в осажденной Трое. Там хотя бы была надежда на славу. Здесь только ожидание бойни.

— Они ищут ответов, — тихо ответил Зетос, поправляя перевязь щита. Его плечо, перевязанное мазью Талии, все еще ныло после встречи с бронзовой птицей, но он старался не показывать боли. — Как и мы.

Он посмотрел на женщину, сидящую у дороги. Она баюкала пустую руку, словно держала младенца, и напевала колыбельную без слов. Её глаза были пустыми. Зетос отвернулся, чувствуя, как в горле встает ком.

Впереди показались ворота святилища. Обычно здесь стояла храмовая стража в парадных одеждах, с полированными щитами. Сегодня ворота охраняли тяжелые гоплиты в боевых доспехах, покрытых вмятинами и царапинами. Их щиты были подняты, копья опущены в боевую позицию. На щитах красовались гербы разных полисов: Афинская сова, Фиванский щит, Коринфский пегас, Аргосский волк. Вечные враги, веками резавшие друг друга за клочок земли, сегодня стояли плечом к плечу. И это пугало Зетоса больше все-

го. Если даже Спарта и Афины объединились, значит, конец света действительно близок.

— Кто идет? — рывкнул капитан стражи, преграждая им путь древком копья. На его шлеме был красный гребень — спартанец. — Дорога закрыта для просителей. Оракул молчит для черни.

— Зетос из рода Гиперионов, по личному зову Пифии! — Зетос достал из-за пазухи тубус из слоновой кости с печатью храма.

Спартанец взял тубус, осмотрел печать, словно искал подвох, и, наконец, кивнул. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Проходите. Но коней оставьте в нижнем городе. Наверх, к Храму, только пешком. Там сейчас не протолкнуться от царей и героев. Каждый второй мнит себя Ахиллом, а каждый первый требует аудиенции.

Оставив лошадей в переполненных, душных конюшнях, где пахло навозом и тревогой, они начали пеший подъем по Священному Пути. Мраморные сокровищницы полисов, стоявшие вдоль дороги — афинская, сифносская, — были наглухо закрыты бронзовыми дверями. Статуи богов и атлетов смотрели на людское море холодными, мраморными глазами, равнодушные к мольбам.

На широкой террасе перед главным Храмом Аполлона было чуть свободнее, но напряжение здесь можно было резать ножом. Здесь разбили лагерь прибывшие делегации. Зе-

тос увидел спартанцев, сидящих кругом и чистящих оружие в мрачном молчании. Увидел аркадцев в звериных шкурах, жарящих мясо прямо на мраморных плитах. Увидел фиванцев, спорящих о тактике.

Но его внимание привлек отряд афинян.

Они не сидели без дела и не спорили. На вытоптанной площадке у восточной стены дюжина воинов отрабатывала строевой шаг. Их движения были синхронными, как у единого организма. Щит к щиту, шаг, выпад копьем, возврат. Лязг металла и стук сандалий звучали как ритм военного барабана.

Командовала ими женщина. Она стояла спиной к Зетосу, но он узнал эту осанку — прямую, гордую, как колонна Парфенона. Она была высокой, выше многих мужчин. На ней была сияющая анатомическая кираса, которая сидела на ней как вторая кожа, подчеркивая силу, а не хрупкость. Шлем с высоким гребнем лежал на парапете, и её золотистые волосы, заплетенные в сложную корону кос, горели на солнце, как расплавленное золото.

— Держать строй! — её голос был чистым, властным, перекрывающим шум толпы. В нем не было истерики, только сталь. — Еврипид, подними щит! Твоя печень открыта для удара. Если ты умрешь от первой же стрелы, кто будет платить твои долги в таверне? Я не собираюсь объясняться с твоими кредиторами!

Солдаты сдержанно хмыкнули, но щиты сомкнули плот-

нее.

— Афинаис? — удивленно выдохнул Алексис, толкнув брата локтем. — Дочь стратега Леостисфена? Я думал, она охраняет пыльные статуи в Парфеноне и учит жриц вышивать.

Зетос шагнул вперед, чувствуя, как на губах сама собой появляется улыбка.

— Похоже, статуям сегодня не нужна охрана. А жрицам пора учиться держать меч.

Женщина резко обернулась. Её лицо было строгим, черты точеными, классическими, словно вырезанными резцом великого мастера. Серые глаза — «совоокие», как у богини Афины — скользнули по Алексису, задержались на шрамах Дракона и остановились на Зетосе. В них мелькнуло узнавание, а затем — легкая тень иронии, спрятанная в уголках губ.

— Зетос, — кивнула она, не выказывая чрезмерного удивления. — Я слышала, ты растишь лучшие оливки в Аттике и споришь с торговцами на Агоре. Решил сменить мотыгу на копье? Или оливки в этом году не уродились?

— Мотыга сломалась о бронзовую птицу, Афинаис, — усмехнулся Зетос, подходя ближе. Он чувствовал, как выпрямляется его спина под её оценивающим взглядом. Она всегда умела заставить его чувствовать себя мальчишкой, который пытается впечатлить старшую сестру. — А я слышал, ты учишь солдат танцевать. Не слишком ли много геометрии для простой драки?

— Война — это хаос, Зетос, — спокойно парировала она, скрестив руки на груди, украшенной чеканкой головы Медузы Горгоны. — Единственный способ выжить в хаосе — навязать ему порядок. Твоя удача, широкая улыбка и красивые глаза не спасут от фаланги нежити. Там нужна дисциплина.

— Нежити? — переспросил Дракон, вмешиваясь в разговор. Его голос прозвучал как скрежет камня. — Значит, слухи правдивы?

Афинаис посерьезнела. Ирония исчезла из её глаз, уступив место глубокой тревоге. Она посмотрела на север, туда, где небо было темнее обычного.

— Правдивы, старик. Разведчики видели их в долинах. Мертвые не гниют. Они идут молча, строем, не чувствуя боли и усталости. И их ведет некромант. Жрецы говорят, Пифия должна назвать имя врага сегодня на закате.

— Если она успеет, — раздался гулкий, рокошующий голос откуда-то снизу, из тени портика.

Зетос обернулся и невольно положил руку на меч. Алексис отпрыгнул назад, натягивая воображаемую тетиву.

В тени колоннады, прислонившись к мрамору мощным лошадиным крупом, стоял кентавр.

Это был не дикий зверь, каких Зетос видел на старых фресках — полуголых варваров с дубинами. Этот был величественен. Торс кентавра был широким, мускулистым, покрытым шрамами от старых битв, а нижняя часть — тело огромного вороного коня-тяжеловоза — лоснилась от ухो-

да. Его борода была седой, заплетенной в аккуратные косы с вплетенными деревянными бусинами и амулетами. На поясе висели кожаные сумки, полные свитков и пучков сушеных трав. В руке он держал не оружие, а огромный винный мех.

— Фол? — Афинаис нахмурилась, но не испугалась. — Ты опять пьешь?

Кентавр отхлебнул из меха, запрокинув голову, вытер губы тыльной стороной ладони и громко рыгнул, ничуть не смущаясь присутствия дамы. — Я не пью, дочь Афин. Я дезинфицирую душу. Трезвому в этом мире сейчас слишком страшно. Вино помогает мне не слышать крик земли.

— Кентавр в Дельфах? — прошептал Алексис, глядя на существо с восторгом ребенка. — Я думал, они все вымерли или ушли в горы, подальше от людей.

— Мы не вымерли, юноша, — пророкотал Фол, подходя к ним. Цокот его копыт по мрамору был громким, тяжелым и ритмичным. — Мы просто поняли, что с людьми лучше не связываться. Вы слишком шумные и короткоживущие. Но когда сама Земля-Гея кричит от боли, когда корни гор дрожат от страха... даже я спустился с Пелиона.

Он посмотрел на Зетоса мудрыми, налитыми кровью, но удивительно человеческими глазами.

— Ты пахнешь бронзой и морем, воин. И смертью. Хорошее сочетание для того, кто собрался слушать бред сумасшедшей старухи. Но бойся не смерти. Бойся того, что она тебе предложит.

— Пифия — глас Аполлона! — возмутилась Афинаис. — Она говорит волю богов!

— Пифия — это сосуд, — отмахнулся Фол, дернув хвостом. — И боюсь, этот сосуд вот-вот треснет. Я чувствую запах серы, девочка. И он идет не из расщелины Оракула. Он идет с Севера. С Отриса. Там открыли дверь, которую нужно было заварить еще до рождения Зевса.

Внезапно тяжелые бронзовые двери Храма распахнулись с протяжным, жалобным стоном, от которого у всех присутствующих заныли зубы. На порог вышел верховный жрец. Его лицо было серым, руки тряслись, а белые одежды были помяты.

— Оракул готов! — прокричал он срывающимся голосом, в котором паника мешалась с торжественностью. — Предводители, войдите! Бог будет говорить! Но торопитесь! Свет угасает!

Толпа на площади заволновалась. Цари и стратеги двинулись к лестнице, толкаясь локтями. Каждый хотел услышать свою судьбу первым.

Зетос посмотрел на Афинаис.

— Твоя геометрия или моя удача? Что нам сейчас нужнее?

— Нам понадобятся оба, — ответила она, надевая шлем. Её лицо скрылось в тени нащечников, остались видны только серые, решительные глаза. — И еще нам понадобится вино этого кентавра, если новости будут плохими. Идем. Узнаем,

кто хочет нас убить.

Зетос кивнул брату и Дракону. Кентавр Фол, тяжело вздохнув, повесил винный мех на плечо и поцокал следом за ними, возвышаясь над толпой людей как башня.

— Ненавижу пророчества, — пробурчал он себе под нос. — Они всегда сбываются самым паршивым образом. И никогда не говорят, где взять закуску.

Они вошли в полумрак Храма. Воздух здесь был густым, почти осязаемым от благовоний, но под сладким, дурманящим запахом ладана Зетос отчетливо уловил другой запах. Запах, который он помнил по своему домашнему алтарю в тот роковой день.

Запах тлеющей плоти, озона и старого страха.

В центре зала, над глубокой расщелиной в скале, откуда поднимался белесый пар, на золотом треножнике сидела Пифия. Она была скрыта полупрозрачной вуалью, но даже сквозь ткань было видно, как её тело содрогается в неестественных конвульсиях.

Зетос почувствовал, как холод пробирает его до костей, проникая под бронзу доспеха. Здесь, в сердце святости, в самом пупе Земли, присутствовало что-то чужое. Что-то древнее и голодное, что смотрело на них из темноты расщелины тысячей невидимых глаз.

Он положил руку на рукоять меча. Предчувствие беды сжало его сердце ледяной рукой. Война уже была здесь. Она просто ждала, когда ей откроют дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.